

Н. В. Кондратьева (Ижевск)

Особенности выражения прямого объекта в удмуртском языке в зависимости от характера глагола объекта

В современном удмуртском языке выражение прямого объекта осуществляется как морфологическим, так и синтаксическим (когда объект морфологически совпадает с формой номинатива, но, как правило, занимает препозицию переходного глагола) способами. Альтернатива выбора между ними в лингвистике до сих пор, к сожалению, сводится лишь к определению дефинитности/индефинитности прямого объекта: “Существительные в винительном падеже, обозначающие определенные прямые объекты, употребляются в форме *-эз (-ез)* в единственном числе и в форме *-ты* или *-ыз* во множественном числе. Существительные в винительном падеже, выражающие прямые объекты без указания на их определенность, имеют нулевую форму” [Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962. С. 93.].

Однако анализ языкового материала не может полностью подтвердить данное высказывание: имеется ряд примеров, когда неоформленный винительный падеж может указывать на вполне определенный и конкретный объект и, напротив, маркированные формы – на неопределенные, неизвестные объекты. Более того, имеются случаи, когда некая словоформа может управлять объектами, выраженными одновременно и маркированными и немаркированными аккузативными формами, стоящими в одном и том же ряду однородных членов, напр.: *Тол куазен Миша котьку пыртэ вал доре пужым лыс, нош сйзьыл – горд тиштйсь палэзь вайёсты*. ‘Зимой Миша всегда заносил в дом сосновые ветки, а осенью – светящиеся багрянцем рябиновые ветки’.

Учитывая вышеизложенное, становится ясным, что наличие лишь одного критерия для распределения аккузативных показате-

лей в удмуртском языке явно не достаточно. В таком случае в качестве вспомогательного фактора можно принять учет внутренней семантики переходных глаголов. В частности, доминирование маркированных форм аккузатива наблюдается:

1) при наличии в семантике глагола конечного результата действия (*согыны* 'засыпать', *йоданы* 'намазать йодом', *пыдэз коттыны* 'промочить ноги', *пачкатыны* 'задавить, раздавить' и др.);

2) при отражении семантикой глагола внутреннего состояния человека либо его оценки окружающей действительности (*гажаны* 'уважать', *ужез яратыны* 'любить труд', *пересъёсыз жаяны* 'жалеть престарелых' и т. д.);

3) также при выражении когнитивных, перцептивных и физиологических процессов (*валаны* 'понимать', *малпаны* 'думать, вспоминать', *маялтыны* 'погладить' и др.).

Глаголы, управляющие преимущественно немаркированной формой винительного падежа, актуализируют не столько конечный результат, сколько контролируют весь процесс протекания действия. В частности, они характеризуются следующими семантическими отношениями:

1) действие выступает как род занятия (профессия), либо как многократно повторяющийся процесс (*вурныны* 'шить', *бичаны* 'собирать', *сюдыны* 'кормить', *керттыны* 'вязать' и т. д.). Следует заметить, что в данном случае объект выражается преимущественно единственным числом даже при обозначении множественности объекта (*пудо вордыны* 'разводить скот', *бакча сиён будэтыны* 'выращивать овощи', букв. 'выращивать овощ', *курег возыныны* 'разводить/держат куриц', букв. 'разводить курицу' и т. д.);

2) дистрибуция немаркированных форм винительного падежа доминирует также в тех случаях, когда действие направлено на абстрактные предметы и явления: *Со оске, тутыгыш вузкаронын удалтон вае шуыса*. 'Он верит/надеется, что павлин в торговле приносит удачу'.

Следует однако учесть, что соотнесение всех переходных глаголов к тем или иным лексико-семантическим группам практически невозможно. В этом случае альтернатива выбора показателя прямого объекта обеспечивается ролью центра сообщения, актуализирующего:

а) определенность/неопределенность: *Мон газет лыдзисько.* 'Я читаю газету'. *Мон толло газетэз лыдзисько.* 'Я читаю вчерашнюю газету';

б) тотальность/парциальность: *Мон жэукез сиш.* 'Я съел кашу' (предполагается, что съел всю кашу). *Мон жэук сиш.* 'Я съел кашу';

в) результативность/ирезультативность: *Жытазе мон до-рысь ужез лэсьтыса пуки.* 'Вечером я сидел и делал домашнее задание (предполагается, что сделал до конца)'. *Жытазе мон до-рысь уж лэсьтыса пуки.* 'Вечером я сидел и делал домашнее задание';

г) одушевленность/неодушевленность: *Мон урамысь лек пуньез адзи.* 'На улице я увидел злую собаку'. *Мон урамысь чебер корка адзи.* 'На улице я увидел красивый дом'.

Таким образом, употребление маркированного/немаркированного прямого объекта в современном удмуртском языке определяется компромиссом между лексико-семантической характеристикой переходного глагола, синтаксической структурой предложения и его принадлежностью к микро- и макроконтекстам.